

Связь Лю Ланьшань сразу с двумя пропавшими женщинами не могла быть просто совпадением. Если одна встреча — случайность, то две — это уже закономерность. Ли Цзяо попала в поле зрения полиции лишь потому, что её типаж совпадал с Сюй Мин. Почему же обе они контактировали с Лю Ланьшань незадолго до своего исчезновения? В каком качестве та появлялась в доме Ли Цзяо? Снова под маской защитницы и «заботливой сестры»? В августе прошлого года Лю Ланьшань уже не жила в Юнбине. Значит, она вернулась специально ради Ли Цзяо? И сделала это втайне от всех родных и знакомых?

В голове Юэ Цяня сложился жестокий пазл. Если за исчезновениями Ли Цзяо и Сюй Мин стоит преступный синдикат, то девушка была пособницей. Точнее — она занималась вербовкой и похищением женщин.

Её мать, Лю Чжэньхун, сама была жертвой незаконного извлечения яйцеклеток и страдала от последствий всю жизнь. Неужели дочь сама стала частью системы, ломающей женские судьбы? Офицер плотно сжал губы.

Совсем недавно, когда он навещал Лю Чжэньхун, та упоминала, что Лю Ланьшань расспрашивала её о трёх сестрах Цю Цзиньбэя. Тогда это показалось странным, но в свете новых фактов всё встало на свои места: они были её следующими целями.

Командир Юэ глубоко вздохнул. Подозреваемая нацелилась на них ещё до того, как приехала в деревню Цзячжи. Сближение с Цю Цзиньбэем не имело ничего общего с желанием выйти замуж или жаждой просмотров — последнее было лишь удобным прикрытием. Ей нужен был безупречный повод, чтобы легально войти в дом семьи Цю и втереться в доверие к трём сестрам. Остальное было лишь вопросом времени и работы её сообщников.

Что же пошло не так? Почему Лю Ланьшань убили до того, как она завершила задание? Раскол внутри банды?

Юэ Цянь покачал головой. Дела Лю Ланьшань и Чжоу Сяньяна нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. Инь Мо интересовала машина, на которой перевозили тело девушки, и этот интерес прямо указывал на Ань Сю. У того же был четкий мотив только в деле Чжоу Сяньяна. Юэ Цянь чувствовал нарастающее раздражение: Инь Мо дал ему важнейшую зацепку, но явно не договорил чего-то очень важного.

Как только ниточка Лю Ланьшань вышла на поверхность, полицейские в Юнбине развили бурную деятельность. Е Бо решил отправить туда еще несколько следователей для координации действий.

Едва закончилось селекторное совещание, командир хлопнул Юэ Цяня по плечу:

— Чувствую, за этим тянется целая сеть. Давай-ка поскорее разберемся с местными делами, и

я отправлю тебя туда на подмогу.

Начальник Чэнь с ордером на обыск прибыл к дому Ань. Хозяина снова не было, и тётушка Вэй в смятении застыла на пороге:

— Что вы делаете? Может... может, подождем, пока Сю-цзы вернется?

Снаружи уже собралась толпа любопытных сельчан, которые вовсю шептались и тыкали пальцами:

— Неужто Ань Сю попался? А я давно говорил: разве может быть хорошим тот, кто на Инь Мо работает? Что вы говорите — он и пацана Чжоу, и невестку Цю завалил? Господи помилуй, откуда в нем столько злобы!

Вэй Лицзюнь с покрасневшими глазами твердила:

— Не может быть... Начальник Чэнь, это какая-то ошибка! Наш Сю-цзы на такое не способен!

Криминалисты уже начали осмотр помещений. Чэнь Суй придержал женщину за локоть:

— Мы просто проверяем. Будет лучше для всех, если ничего не найдется. Послушайте...

Договорить он не успел. Со стороны ворот донесся яростный шум. Цю Цзиньбэй и Ван Цюхуа, размахивая какими-то палками, ворвались во двор:

— Ань Сю! Ань Сю, выходи, мразь!

Полицейскому пришлось преградить им путь:

— Стоять! Не видите — здесь оцепление?

— Он убил Лю Ланьшань! — орал Цю Цзиньбэй. — Начальник Чэнь, вы не представляете, через что я прошел за эти дни! Все на меня пальцем тыкали, убийцей называли! А я-то тут при чем?!

Следом подтянулись братья Чжоу — Лэцзюнь и Лэцян. Чжоу Лэцзюнь сжимал в руке нож, выглядя так, будто готов изрубить Ань Сю на куски прямо здесь. Во дворе мгновенно воцарился хаос.

— Всем выйти вон! — рявкнул Чэнь Суй. — Ножи, палки — убрать немедленно! Вы что удумали? Я всё еще здесь, черт бы вас побрал!

Цю Цзиньбэй вжал голову в плечи и отступил на пару шагов, увлекая за собой Ван Цюхуа, но Чжоу Лэцзюнь шагнул вперед:

— Я просто хочу справедливости для своего сына!

— Справедливости? Справедливости?! Ха-ха-ха! — Тонкий, дрожащий смех заставил всех обернуться.

Вэй Лицзюнь, привалившись к стене, смотрела на них полными боли глазами. Её взгляд остановился на лице Чжоу Лэцзюня.

— С какой стати тебе нужна справедливость?

Мужчина, кажется, даже не понял вопроса. Весь его гнев был направлен на Ань Сю, а его мать всегда была для него пустым местом — женщиной-невидимкой, на которую он за всю жизнь и раза не взглянул.

Вэй Лицзюнь оттолкнулась от стены и, покачиваясь, пошла к нему. Тот крик, казалось, выпил из неё последние силы, и когда она подошла вплотную, голос её стал совсем тихим:

— Ваша семья... Разве она хоть раз дала справедливость мне?

Её глаза были красными, словно налитыми кровью. Десятилетия подавленной муки обрушились на неё, как лавина. Чэнь Суй едва успел подхватить её, когда она начала оседать. Она посмотрела на работающих криминалистов, затем на растерянного Чжоу Лэцзюня и вдруг улыбнулась:

— Эй... хочешь знать, почему твоего сына убили?

Тот вздрогнул. Если бы его не держали двое оперативников, его нож уже вонзился бы в грудь женщины.

Вэй Лицзюнь не пыталась уклониться. Она смотрела ему прямо в зрачки:

— Твой отец, этот скот... и его дружки, такие же животные... Они изнасиловали меня!

Чжоу Лэцзюнь застыл, вытаращив глаза. Его брат Лэцян тоже медленно подошел ближе, на его лице застыло крайнее изумление.

Голос Вэй Лицзюнь был негромким, но воцарившаяся тишина позволила каждому во дворе услышать её слова. Новость мгновенно разлетелась среди тех, кто толпился за воротами.

Забытая всеми женщина на глазах у всех сорвала струпья со своей самой глубокой раны. Она больше не была прозрачной тенью, влачившей жалкое существование. Она стала...

После короткого затишья за оградой вспыхнул гул возбужденных пересудов.

— Слышали, что она несет? Как такое вообще можно вслух говорить? Седьмой десяток разменяла, а стыда ни на грош!

— Сама бесстыдница, так хоть о сыне бы подумала! Тьфу, как теперь Ань Сю в люди выйдет?

— Какое там «изнасилование», поди сама хвостом вертела! В деревне баб навалом, почему других никто не трогал? Потому что блюсти себя надо!

— Понятное дело — вдова. Мужика нет, присмотреть некому, вот и не стерпела одиночества!

Чэнь Суй слышал эти ядовитые слова, летевшие со всех сторон. Он видел, как бьет дрожь Вэй Лицзюнь. Её многолетняя боль превратилась в развлечение для толпы, в повод для окружающих лишний раз похвалить свою мнимую добродетель.

Да какое они имеют право?

— Что ты мелешь?! — Чжоу Лэцзюнь рванулся в руках полицейских.

— Я говорю, что Чжоу Цансо изнасиловал меня! — Вэй Лицзюнь, казалось, оглохла к выкрикам толпы. Собрав последние силы, она выкрикнула: — Я хотела отомстить! Я не могла убить его, не могла убить вас всех, но я знала, как ударить побольнее!

— Это я убила Чжоу Сянъяна! Я, и никто другой!

Первичный осмотр дома не принес тех улик, на которые рассчитывало следствие. Юэ Цянь полагал: если Ань Сю убил Лю Ланьшань, то до того, как избавиться от тела, он должен был прятать её в доме. Возможно, дом и вовсе был местом преступления. Однако ни следов крови, ни отпечатков пальцев, ни подозрительных микрочастиц обнаружить не удалось.

Вэй Лицзюнь, упав на колени, продолжала твердить одно и то же:

— Они надругались надо мной... Я отомстила... Отомстила...

Юэ Цянь, мчавшийся в деревню, принял звонок от начальника Чэня. Тот сообщил: зацепок в доме нет, но мать Ань Сю призналась в убийстве Чжоу Сяньяна. Сам подозреваемый отключил телефон и исчез.

— Тётушка Вэй призналась? — Офицер ударил по тормозам и съехал на обочину. — Она берет вину на себя!

— Да. Она предпочла выставить свое прошлое на всеобщее обозрение, лишь бы мы поверили, что убийца — она, — подтвердил Чэнь Суй. — Нам нужно срочно найти Ань Сю, пока он не ушел далеко.

Где он может быть? Юэ Цянь смотрел на пожухлую траву под свинцовым небом, и в его мозгу замелькали кадры последних дней. Ань Сю убивал ради матери. Он не мог бросить её и просто сбежать. Он знал, что полиция дышит ему в затылок, но понимал и другое: без прямых улик ему ничего не сделают.

Если преступник решился уйти сейчас, значит, уверен — даже с ордером Чэнь Суй ничего не найдет. Дом Ань не был местом убийства. Он расправился с Лю Ланьшань где-то еще!

И теперь его задача — уничтожить последние доказательства.

И...

Свидетелей.

Юэ Цянь резко развернул машину на узкой проселочной дороге и на предельной скорости понесся обратно в поселок Цзячжи. Его лицо превратилось в суровую маску. Образ бледного, почти прозрачного лица Инь Мо стоял перед глазами, словно готовый растаять в солнечном свете.

Ритуальный квартал в поселке располагался на самой окраине, на улице Шанлин. В новогодние праздники здесь было многолюдно: зимой смертность росла, и печи крематория на склоне горы не остывали ни на час. Магазины у подножия были забиты людьми — ежедневно кто-то приходил за ритуальными деньгами и бумажными слитками.

Одна из лавок Инь Мо находилась именно здесь, в тихом, малозаметном переулке. Мастер редко бывал в этом филиале, обычно доверяя дела помощнику. Сегодня он приехал сюда, потому что Ань Сю связался с ним и попросил о встрече для важного разговора.

Небольшое помещение было до потолка завалено бумажными подношениями, свечами и благовониями. Свет внутри был тусклым. Когда Инь Мо подошел к лавке, Ань Сю еще не было. Мужчина остановился у входа и вскоре увидел своего подопечного — тот шел по улице, понурился, но двигался порывисто и быстро.

— Брат. — Ань Сю коротко кивнул и, подтолкнув Инь Мо внутри, плотно закрыл за собой дверь.

Мастер внимательно оглядел его:

— Что случилось?

Сю-цзы несколько раз открыл рот, словно ведя внутреннюю борьбу. Собеседник рассеянно вертел в руках бумажный цветок, а затем аккуратно воткнул его в один из венков.

— Брат... то, о чем ты говорил мне в прошлый раз... Я решил... решил пойти с повинной, — запинаясь, проговорил Ань Сю. — Это я... я убил их всех.

Стоя перед убийцей, Инь Мо не выказал ни тени страха или удивления. Тот лишь спокойно кивнул:

— Хорошо, что ты это осознал.

Ань Сю нахмурился, в его глазах на миг промелькнула ярость.

— Даже если не казнят, то дадут пожизненное, верно? — Он вскинул голову. Желтый свет лампы падал на его лицо; глаза покраснели, и казалось, слезы вот-вот хлынут из них. Парень с силой вытер лицо рукавом. — Я знаю... я совершил ошибку и должен за неё заплатить.

Инь Мо молчал.

— Единственное, о чем я беспокоюсь — это мама. С её характером... как она будет жить без меня? — Голос Ань Сю сорвался на дрожь. — Когда папа умер, нас все обижали. И вот только сейчас я начал зарабатывать, только она начала жить по-человечески, и я должен её оставить...

— Я присмотрю за тётушкой Вэй, — почти бесстрастно отозвался Инь Мо.

Слезы всё же брызнули из глаз помощника. Его плечи сотрясались в рыданиях.

— Брат, почему жизнь так несправедлива? Что мы с мамой такого сделали? За что они так с нами? Моя расправа над Чжоу Сянъяном и Лю Ланьшань — преступление, а то, что они

сотворили с моей матерью — нет?! Они не должны нести ответственность?!

Внезапно Ань Сю рассмеялся — хрипло и страшно.

— На самом деле я не так уж хотел смерти Чжоу Сяньяну. Он ведь ребенок, что он смыслил? — Парень сжал кулаки, зубы его скрипнули. — Но он посмел смеяться над моей матерью! Он — внук Чжоу Цансо! У семьи Чжоу меньше всего прав насмеяться над нами!

В тот день Вэй Лицзюнь выбрала редкую возможность выбраться в город. Скоро был канун Нового года, и она хотела закупить продуктов и справиться сыну обновку. Она радостно крутила педали велосипеда, везя домой целую гору покупок.

Группа детей с криками пробегала по улице. Женщина притормозила, терпеливо ожидая, пока они пройдут. Но Чжоу Сяньян, возглавлявший компанию, посмотрел на неё, шепнул что-то друзьям, и они встали прямо посреди дороги, преграждая путь.

Вэй Лицзюнь попыталась объехать их, но куда бы она ни поворачивала руль, они бросались наперерез. Чжоу Сяньян хлопал в ладоши и громко орал:

— Старая вдова! Старая вдова! Никому не нужна старая вдова!

Тётушка Вэй испугалась. Пытаясь поскорее уехать, она не справилась с управлением и упала с велосипеда. Дети окружили её, но вместо помощи продолжали хохотать и хлопать. Пострадавшая, превозмогая боль, поднялась и, пошатываясь, толкая велосипед перед собой, поспешила прочь под улюлюканье толпы.

— Эти люди перестали открыто травить маму, и я подумал, что с годами они стали добрее. Но нет. Гнилое семя дает гнилые всходы. Это передается из поколения в поколение, — Ань Сю горько усмехнулся. — С того самого момента я решил, что убью его. Этот мелкий мусор, когда вырастет, станет таким же старым дерьмом, как его дед.

— Брат... ну почему ты не мог оставить всё как есть? Почему ты заставил меня? — Он поднял взгляд на Инь Мо. В его голосе клокотала ненависть, и было неясно, на кого она направлена больше — на семью Чжоу или на самого Мастера Инь.

— Я заставил тебя? — переспросил Инь Мо.

— Ты — человек, которому я был благодарен больше всех на свете. Правда, — в голосе Ань Сю прозвучала тоска. — Когда я в детстве хотел наложить на себя руки, это ты привел меня на заброшенное кладбище и сказал, что мертвецам остается только бесцельно блуждать, а живым всегда лучше. Ты научил меня ремеслу, дал работу. Когда ты рядом, никто в деревне не смел тронуть нас с матерью. Почему... почему ты не мог защищать меня до конца?!

В лавке всегда стоял тяжелый запах воска и сандала, но сейчас Инь Мо уловил едва заметную примесь бензина. И еще один странный, дурманящий аромат дыма.

Ань Сю выпрямился и глубоко вздохнул.

— Брат... может, ты поможешь мне в последний раз?

Инь Мо посмотрел на зажженное в углу благовоние, а затем перевел взгляд на зажигалку в руках собеседника.

Словно убедившись, что дым начал действовать, Ань Сю медленно двинулся на него. Маска скорби и раскаяния сползла с его лица, обнажив истинный, искаженный яростью оскал.

Инь Мо не шелохнулся. Он был смертельно бледным; казалось, у него не осталось сил даже на слова. Лишь кадык на его горле дернулся, когда Ань Сю подошел вплотную.

Помощник остановился. Словно для верности, он шагнул к стене и взял тяжелый стальной прут, взвесив его в руке.

— Брат, не вини меня. Я ведь всё тебе объяснил. У меня нет выхода. Мама старая, я должен проводить её в последний путь. Если бы ты притворился, что ничего не знаешь... мы бы и дальше были братьями. — Парень на мгновение задумался. — Тьфу. Недостоин я быть твоим братом. Я бы стал твоим верным псом до конца дней.

Он протянул прут и слегка похлопал им Инь Мо по щеке. Тот даже не взглянул на холодный металл, продолжая безучастно смотреть в глаза Ань Сю. Это спокойствие, казалось, обожгло нападавшего. Его гнев и обида больше не знали преград.

— Брат? С чего это я до сих пор так тебя зову? Ты достоин этого?! Я называл тебя братом, а ты и впрямь возомнил о себе невесть что?! — Ань Сю мерзко хихикнул, приставив прут к плечу Мастера Инь. — Чем мы вообще отличаемся? Я — проклятый, а ты разве нет? Я сгубил отца, а ты выкосил всю свою семью! Почему мы оба занимаемся похоронными делами, но тебя вся деревня боится и не трогает, а нас с матерью втаптывают в грязь?! Разве наши семьи не должны были делить эту ненависть поровну? Почему ты вышел сухим из воды? Почему за тобой пришел учитель и спас тебя? Почему нам...

Грудь Ань Сю вздымалась, словно внутри работал перегруженный мотор. Зависть и злоба, копившиеся годами, вырвались наружу. Помощь Инь Мо? Все эти годы он считал, что именно он принимает на себя ту долю деревенской злобы, которая предназначалась Мастеру! Если бы не семья Инь, их жизнь в деревне не была бы такой невыносимой.

— Хе-хе... — Сю-цзы издал сиплый смешок и высоко занес стальной прут. — Не обессудь, брат. Ты сам перекрыл мне кислород!

С этими словами он обрушил удар вниз.

— Командир Е, я знаю, где может быть Ань Сю! — Юэ Цянь на ходу выкручивал руль, прижимая телефон к уху. — Запрашивайте поддержку пожарных и немедленно высылайте группу на улицу Шанлин!

— Улица Шанлин? — отозвался Е Бо. — Это же там, где крематорий?

— Именно! У Инь Мо там есть лавка, Ань Сю заперся там! Скорее!

Вой сирен разорвал заунывные похоронные марши, вечно звучащие в ритуальном квартале. Люди высывались из дверей лавок и окон машин:

— Где пожар?

— Дыма не видно...

— Опять ложный вызов?

— Пахнет бензином, чувствуете?

На этой улице пожары случались не раз, и торговцы привыкли к спецтехнике, но в этот раз за пожарными машинами неслись полицейские экипажи.

— Ты!.. — Ань Сю с диким выражением лица уставился на Инь Мо.

Стальной прут валялся на полу; отброшенный Инь Мо, он ударился о стену и опрокинул курильницу, из которой валил странный дым.

Инь Мо разминал запястье. Нападавший был прижат лицом к стене, его руки были жестко заломлены за спину. Он неистово извивался, но безрезультатно — разница в росте и физической силе была слишком велика. Если бы не дурмящий дым, у Ань Сю не было бы ни единого шанса осилить мастера.

— Отпусти! Отпусти меня! — вопил Ань Сю. Слезы и сопли текли по его лицу; после вспышки ярости он вдруг начал молить о пощаде. — Брат, умоляю, дай мне уйти! Я не в себе был, наговорил лишнего! Ради моей мамы, не губи меня!

Инь Мо, удерживая его одной рукой, быстро подтянул моток толстой веревки:

— Я давал тебе шанс.

— Нет! С какой стати я должен сдаваться?! Чжоу Сянъян заслужил это! И Лю Ланьшань тоже! Ты хоть знаешь, кто она такая? Она — торговка людьми! — визжал Ань Сю. — Брат, молю тебя! Молю!

Инь Мо услышал шум снаружи и обернулся. Хватка на мгновение ослабла. Ань Сю, почуввав возможность, резко вырвался, ударил Инь Мо плечом в грудь и снова схватил прут с пола. Инь Мо отшатнулся. В этот миг дверь слетела с петель, и в помещение ворвался Юэ Цянь с пистолетом в руках.

— Инь Мо!

Свет прожекторов с пожарных машин хлынул внутрь. Ань Сю инстинктивно зажмурился. Юэ Цянь выстрелил. Послышался резкий звон металла о металл — стальной прут вылетел из рук Ань Сю. Тот повалился на пол, баюкая раненое запястье.

Оперативники ворвались следом, прижимая преступника к земле. Юэ Цянь быстро окинул взглядом комнату и встретился глазами с Инь Мо. Тот стоял, прижимая руку к груди. По его лбу стекала тонкая струйка крови, делая его и без того мертвенно-бледное лицо похожим на ледяную маску.

<http://bllate.org/book/15837/1436108>